

Ли Мэн проснулся поздно. Чжао Лои уже вовсю хозяйничал во дворе, неспешно набивая трубку табаком. Цюй Линьхань неподалёку возился с какими-то хитрыми мелочами, пряча их в складках одежды. По всему видать, он уже посвятил его в планы на вечер.

Стоило Ли Мэну показаться на пороге, как Цюй Линьхань замахал руками, подзывая его к себе.

— Смотри, смастерил тебе «Медвежью лапу». Наконец-то проверим в деле! — Парень смотрел с азартом.

Ли Мэн протянул руку, и приятель помог ему закрепить приспособление. Подняв ладонь на уровень глаз, он прицелился в висящий шагах в двадцати лист. Чтобы спустить скрытый пружинный механизм, требовалось изрядное усилие: нужно было согнуть четыре пальца внутрь, что почти исключало случайный выстрел.

Ветка качнулась. Срезанный у самого черешка лист закружился и плавно полетел вниз — выпущенная тонкая игла угодила точно в цель.

— Игла сама по себе вреда не причинит, — Ли Мэн попробовал снять перчатку. — А с этой штукой на руке мне неудобно держать меч.

— Хе-хе, думаешь, там просто железки? — ухмыльнулся Цюй Линьхань.

Ли Мэн удивленно моргнул.

— Снадобье?

— Парализующий яд.

Только теперь Ли Мэн понял, над какими зельями Цюй Линьхань корпел в саду последние дни. Раньше-то казалось, что тот мается от скуки и на пару с Сюэ Фэном заготавливает обычные мази. В конце концов, для людей из Башни Десяти Направлений ранения на заданиях — дело обыденное, и лечиться они привыкли сами, не бегая к лекарям по пустякам. Взять хотя бы ту ужасную рану на спине Чжао Лои, когда кость наружу торчала, — ящик, забитый склянками, наверняка собрал сам его наставник.

Ли Мэн уяснил: учиться ему ещё и учиться.

— Помнишь, как вы в поместье семьи Ван напоролись? Вот то же самое, — подмигнул Цюй Линьхань.

Ли Мэн вспомнил то женское тело, оставленное специально для отвлечения внимания. Стоило

незваному гостю зазеваться, как скрытый у двери самострел выпускал облако игл.

Повезло тогда, что реакция не подвела, иначе остался бы калекой. Подтянув поглубже наручень, чтобы тот плотнее прилегал к предплечью, Ли Мэн ободряюще похлопал друга по плечу:

— Спасибо, выручил.

— У меня тут ещё полно добра припасено... — начал было хвастаться Цюй Линьхань.

— Если начнётся заваруха, оба сидите тихо и не высовывайтесь, — ледяным тоном оборвал его Чжао Лои.

— Но почему, наставник? — обиженно вскинулся Цюй Линьхань. — Не думайте, что это пустяки! Я целый месяц над ними корпел, выверял каждую деталь. Пусть мне далеко до отца, но...

— Резать друг друга — дело позорное. Не хватало ещё, чтобы посторонние судачили о наших дрязгах.

Цюй Линьхань вспыхнул пунцовым и сжал кулаки. С трудом сдерживая обиду, он выпалил:

— Вы же сами пришли за мной в деревню Даяо только ради отцовского наследства! К чему теперь эта напускная благородность? Да в императорском Павильоне Сулинь вовсю пользуются чертежами нашей семьи Ван!..

Договорить он не успел. Чжао Лои мертвой хваткой сжал его горло. Окаменев от ужаса, парень лишь беззвучно хватал ртом воздух, во все глаза глядя на грозного мастера.

Ли Мэн только открыл рот, чтобы заступиться, но Чжао Лои заговорил первым, опережая его:

— Против каждого врага есть свой приём. Но неужели ты собрался пустить эти подлые штучки против своих же?

Цюй Линьхань лишь хрипло свистнул. Чжао Лои легко, одной рукой, приподнял его над землёй. Парень вытянулся струной, безуспешно пытаясь носками сапог нащупать опору.

— Наставник... если вы считаете их своими... то считают ли они вас?.. Какая к чёрту семья... раз они нож в спину втыкают?! — из последних сил прохрипел Цюй Линьхань.

«Вот же дурак самоубийца!» — мысленно взмолился Ли Мэн. Он потянул Чжао Лои за рукав,

но тот лишь бросил красноречивый взгляд на его руку в механической перчатке.

Ли Мэн поспешно отдернул руку и затараторил:

— Всё-всё, не буду я это носить! С наставником нам ничего не грозит. Шихэн, ну же, приberi свои игрушки! — С этими словами он торопливо стянул «Медвежью лапу» и отбросил в сторону.

Чжао Лои смерил раскрасневшегося Цюй Линьханя ледяным взглядом и разжал пальцы. Тот кулем повалился на землю, содрогаясь в удушливом кашле. Он зарыдал, судорожно хватая ртом воздух.

Видя, что приятель никак не может прийти в себя, Ли Мэн, стараясь не гневить мастера пуще прежнего, быстро сгрёб со стола разбросанные детальки и помог Цюй Линьханю подняться на ноги.

Нрав у Чжао Лои был тяжёлый, непредсказуемый. Ли Мэн знал: когда они наедине в постели, мастер ласков и нежен, а в минуты опасности закроет собой от любой беды. Но эта его вечная угрюмая неразговорчивость порой пугала и давила мертвым грузом.

Вспомнив про припасенный отборный табак, который он собирался преподнести Чжао Лои, Ли Мэн достал кисет и сунул его в руки Цюй Линьханю, ободряюще кивнув: иди, мол, задобри его.

Чжао Лои лениво перевел взгляд на Цюй Линьханя. На шее парня уже проступали багровые следы от пальцев, он застыл в страхе, а протянутая с кисетом рука заметно дрожала.

— Наставник... ученик виноват.

Чжао Лои молча постучал трубкой по каменной столешнице. Каждый глухой удар заставлял Цюй Линьханя вздрагивать. Минутная смелость, вспыхнувшая перед лицом смерти, бесследно испарилась, оставив лишь липкий страх.

— И в чём же твоя вина? — глухо спросил мастер.

Цюй Линьхань растерялся и беспомощно оглянулся на Ли Мэна.

Чжао Лои окинул взглядом обоих. Перед ним стояли два совсем еще юных растерянных мальчишки, причем из-за круглых щек Цюй Линьхань выглядел совсем уж глупо.

— В том, что... назвал предателей своими... — запинаясь, пролепетал он.

— Предавший раз больше не свой, — Чжао Лои затянулся и выпустил струю дыма в серое небо.
— Вы ещё сопляки, и боевые искусства у вас курам на смех. Я беру вас с собой только для того, чтобы вы смотрели.

Тут до Ли Мэна дошёл скрытый смысл этих слов. Наставник прав: раз они выглядят безобидными слабаками, бунтовщики из Башни, уповая на своё мастерство, попросту не обратят на них внимания. Но если они начнут важничать и показывать характер, враги сразу сообразят, от кого избавиться в первую очередь, и прихлопнут их как мух.

Ли Мэн потащил Цюй Линьханя за собой и рухнул на колени прямо у ног Чжао Лои:

— Ученики внемлют наставлениям учителя!

— Поняли? — сухо обронил Чжао Лои.

— Поняли.

Чжао Лои едва заметно полуулыбнулся. Но тут он уловил какой-то шорох, и его лицо вновь сделалось бесстрастным. Повернувшись к воротам, он бросил:

— Хватит прятаться по углам. Выходи.

Мальчишки поспешно поднялись. Цюй Линьхань тут же зашептал на ухо Ли Мэну:

— Да что ты понял-то?

Ли Мэн ткнул его локтем под ребра и шепнул в ответ:

— Потом объясню. Гляди, это третий шишу, Таоу.

— Знаю я, — буркнул Цюй Линьхань и притих.

Из-за спины шишу Таоу сразу же Шуфэн любопытно высунулся. Ли Мэн отметил про себя, что парень заметно вытянулся, и мысленно принялся прикидывать, кто из них теперь выше. Выходило, что Шуфэн всё-таки обгонял его — самую малость, буквально на полпальца.

У Таоу был добродушный вид: приплюснутый нос, маленькие глаза и пухлые мочки ушей — истинный знак долголетия и благополучия.

— Шуфэн твердил, что ты забрал с собой Мэн-эра, а я всё не верил, — проговорил Таоу. Он уже встречался с Ли Мэном прежде, но при виде Цюй Линьханя он вопросительно приподнял

брови. Он посмотрел на Чжао Лои.

— Взял ещё одного. Ли Мэну скучно не будет.

Хоть Цюй Линьхана привезли вовсе не ради развлечений, Ли Мэн не удержался и снова пихнул его локтем. Тот стоял стрункой и от неожиданности едва не потерял равновесие.

— Пусть эти трое побудут сегодня у тебя, — добродушно предложил Таоу. — Наверняка им есть о чём потолковать. Шуфэн мне все уши прожжал воспоминаниями о младшем брате, сладу с ним нет.

Шуфэн вжал голову в плечи и постарался держаться подальше от Чжао Лои, от которого явно веяло могильным холодом.

— Эти двое идут со мной, — равнодушно обронил Чжао Лои.

— С тобой? — удивился Таоу. Он похлопал Чжао Лои по плечу и уже без улыбки, веско добавил: — Не рановато ли сопляков на такое дело тащить?

— Старший брат тоже берет с собой Сюэ Фэна, — Чжао Лои скользнул взглядом по Шуфэну. — А твоего лучше отправь к старшему чаи гонять. У него как раз припасён неплохой сбор.

Шуфэн так и переменялся в лице. Он понимал, что боец из него никудышный, но уж точно не хуже Ли Мэна!

— Раз Мэн-эр идёт, то и я с вами, учитель! — упрямо выкрикнул он.

Таоу лишь досадливо поморщился.

— Куда ты собрался! — Обычно мягкий и уступчивый, он рявкнул так, что Шуфэн мгновенно притих и обиженно надулся.

Видеть, как заносчивый Шуфэн смирился, Ли Мэну было в радость. Проходя мимо него, он одарил названного брата широкой ехидной улыбкой, блеснув острыми клыками.

Вышли со двора натошак — судя по всему, все споры планировалось уладить за обеденным столом. Обычная стряпня в трапезной Башни Ли Мэну давно приелась, так что когда впереди затрепетали на ветру огромные белые стяги Обителi у источника, у него аж слюнки потекли.

В этот момент прямо к воротам, взметая пыль, подлетела карета.

Дверца распахнулась, и наружу выбрался человек. Ли Мэн сразу узнал его — это был Чай Цзинь, только недавно прибывший из Линьчжоу. Выглядел старик совсем скверно: дышал тяжело и опирался на трость.

Едва завидев Ли Мэна и Цюй Линьханя, Чай Цзинь недовольно нахмурился, отчего его лицо прорезали глубокие морщины.

— Что это значит? — недовольно спросил он.

— Это мои личные ученики. Рано или поздно им придётся перенять дела Башни, так пусть привыкают, — равнодушно отозвался Чжао Лои.

Чай Цзинь явно не одобрил этот довод. На его лице отразилось осуждение, он задрожал, но возражать не стал. Лишь сухо процедил:

— Цюнцзи, ты прекрасно понимаешь, что поставлено на карту. Не знаю, зачем тебе сдались эти щенки, но смотри, чтобы их рты были зашиты наглухо.

Чжао Лои легонько ткнул Ли Мэна трубкой для курения в бок и требовательно посмотрел на Цюй Линьханя:

— Слышали, что сказал дядя Чай?

Оба закивали как китайские болванчики:

— Младшие не проронят ни слова!

Старик Чай всё ещё хмурился, но дело было решено. Махнув сухой, похожей на ветку рукой, он указал на двери Обители у источника.

Ли Мэн из любопытства оглянулся. Чай Цзинь плелся позади всех. Старик бросил косой взгляд куда-то наверх, в сторону западной стены, и едва заметно шевельнул пальцами, подавая кому-то знак.

Ли Мэн поспешно отвернулся, боясь встретиться с ним взглядом. Чай Цзинь всегда смотрел с таким недоверием, что от одной его ауры кожа покрывалась мурашками, словно по телу ползали мерзкие насекомые.

Поднявшись на второй этаж, они остановились перед дверью в отдельный кабинет.

Ли Мэн умышленно замедлил шаг и громко окликнул отставшего:

— Уважаемый Чай, проходите же вперёд! Что вы плететесь в хвосте?

Чжао Лои застыл у косяка, придерживая дверь плечом и лениво посасывая мундштук.

Чай Цзинь, тяжело опираясь на резную медную трость, с трудом одолевал ступеньку за ступенькой. На его костлявых руках от натуги вздулись синие вены. Старик натужно хрипел:

— Старость не радость... Совсем ноги не держат.

Подтолкнув дверь набалдашником трости, Чай Цзинь вошёл внутрь. Ли Мэн шмыгнул следом и принялся озираться по сторонам.

Обычный богатый покой: шестистворчатая ширма с изображениями заморских красавиц, причудливо изогнутые карликовые сосны в кадках да огромный фарфоровый чан, в котором лениво плавали золотые карпы. Один из них выделялся приметной черной полосой вдоль хребта.

Ли Мэн сунул палец в воду, но рыбины тут же метнулись в сторону от его тени.

Слуга принял заказ и, вежливо поклонившись, плотно притворил за собой дверь.

Чжао Лои выстукал пепел из трубки прямо на паркет и медленно поднял голову:

— Где они? Долго нам ждать?

— Чжу Тянь просил передать: сперва мы должны прояснить твою позицию, — хрипло отозвался Чай Цзинь, буравя мастера взглядом.

Чжао Лои усмехнулся:

— Твои слова, дядя Чай, ставят меня в тупик. Ещё в Линьчжоу ты сам просил меня разобраться со смутьянами и твердил, что щадить нельзя никого. Я лишь в точности исполнил твою волю. Какая ещё у меня может быть «позиция»?

— Не вешай мне лапшу на уши! — взревел Чай Цзинь. От ярости у него перехватило дыхание, он был в бешенстве. — Я что, велел тебе их убивать?!

Ли Мэн растерянно переглянулся с Чжао Лои.

Тот лишь досадливо поморщился и потёр виски.

— А что мне оставалось делать? Может, прикажешь отпустить их на все четыре стороны?

— Они все — братья по Башне! Когда от нас ушла Сяо Чанчу, разве ты не видел, как поступил Глава? — с горечью воскликнул старик, со всей силы грохнув тростью об пол.

— Она — дочь Главы. А эти мерзавцы ему никто.

Чай Цзинь покачал головой и ядовито процедил:

— Хочешь сказать, Глава судит не по справедливости?

— Глава — мой наставник, — отрезал Чжао Лои. — И раз уж он сейчас болен, я обязан избавить его от лишней грязи, чтобы не тревожить попусту.

Чай Цзинь озлобился. Наблюдая за ним, Ли Мэн заметил, что он нервно моргает. Ещё в Линьчжоу старик показался им с Шуфэном жутким типом: вечно молчаливый, угрюмый. Пару раз они стирали белье во дворе и, внезапно поймав на себе его пристальный взгляд из полутемного угла, едва не роняли тазы от испуга.

Сейчас Чай Цзинь зашелся в лающем, сухом кашле — видать, Чжао Лои задел его за живое.

На бумажных оконных переплетах промелькнули неясные тени. Ли Мэн нахмурился и удивленно потер глаза.

— Нет, так дело не пойдёт. Я немедленно сообщу обо всём Главе. Обойдёмся без ужина, — Чай Цзинь тяжело поднялся, опираясь на трость, и направился к выходу.

— Раз стол накрыт, уйти голодным я тебе не позволю, — не терпящим возражений тоном бросил Чжао Лои.

Воздух в комнате мгновенно сгустился до предела. Ли Мэн физически ощутил веяние скорой беды. Не успел он обернуться к окну, как Цюй Линьхань испуганно вскрикнул:

— Наставник! Там, за дверью!

В то же мгновение Чай Цзинь резко взмахнул медной тростью, целясь острым набалдашником прямо в правый глаз Чжао Лои, и рванулся к выходу.

Удар свистнул в воздухе. Чжао Лои легко уклонился, и трость лишь разнесла в щепки стоявшие на краю стола фарфоровые пиалы. Под звон бьющейся посуды двери кабинета с треском распахнулись.

— Чжу Тянь?! — невольно вырвалось у Ли Мэна. Он выкрикнул имя, чтобы предупредить наставника. Хотя он и не знал, насколько тот силен, связываться с признанным палачом Башни Десяти Направлений не хотелось никому — от таких людей всегда за версту несло запекшейся кровью.

В комнату вихрем ворвались пятеро вооруженных мужчин. Последний с силой захлопнул дверь ногой. Все как один уставились на Чжао Лои свирепыми взглядами.

Чай Цзинь мгновенно шмыгнул за их спины.

Чжу Тянь коротко поклонился старику:

— Дядя Чай, ваш долг я не забуду.

Чжао Лои лишь прищурился. Он неторопливо поднял упавшую трубку для курения, пряча в ладони блеснувшее на мгновение лезвие. Цюй Линьхань проявил редкую сообразительность и тут же поднёс к чаше огниво.

Густой дым повалил клубами, заставив Чжу Тяня поморщиться.

— Цюнцзи, ты — лишь младший ученик Главы, но осмелился проливать кровь братьев! — выплюнул Чжу Тянь. — Глава всегда говорил: зарабатываем вместе, а коли немоготу станет — уходи с миром. Но теперь ты решил подмять Башню под себя? Устанавливаешь свои порядки, заставляешь людей платить жизнями? Не забывайся: над тобой стоят ещё трое старших учеников Главы. Ты здесь никто, чтобы вершить суд!

Чжао Лои медленно выдохнул струю дыма, скрывая за серой пеленой резкие черты лица.

— Вы впятером не доросли до того, чтобы говорить со мной на равных.

Чжу Тянь побагровел от ярости.

— И это всё, кого ты собрал? — Чжао Лои перевёл взгляд на притаившегося Чай Цзиня.

Старик не ответил, лишь испуганно косился на Чжу Тяня.

Чжао Лои затянулся ещё раз и насмешливо приподнял брови:

— Я даю вам шанс высказаться лишь из уважения к прошлому. Но силёнок у вас маловато. С таким весом соваться к моему наставнику бесполезно.

— Да когда я резал людей, ты ещё под стол пешком ходил! Раскомандовался тут, щенок... Жизнь надоела?!

Поток ругани Чжу Тяня оборвался на полуслове. Он дико округлил глаза. Он судорожно схватился за горло, качнулся и выплюнул на ладонь фонтан темной крови. Вместе с багровой пеной на пол шмякнулся окровавленный кусок его собственного языка и тончайшая стальная пластина шириной в два пальца. От этого зрелища Чжу Тянь окончательно обезумел, он впал в бешенство.

Чай Цзинь побледнел как полотно. Чжу Тянь выл, зажимая рот руками, но сквозь его пальцы неудержимо хлестала кровь, капая на начищенный пол.

Издав утробный, животный рык, он выхватил из-за спины тяжелый тесак.

— Брат Чжу, стой! — Раздался негромкий голос. Бледный, похожий на ученого господин крепко перехватил Чжу Тяня за плечо.

В Башне дураков не держали: если этот хлипкий с виду грамотей ходил в убийцах, значит, на его счету было не меньше жизней, чем у остальных.

Ли Мэн потихоньку боком смещался ближе к окну, увлекая за собой Цюй Линьхана. На них никто не обращал внимания. Молниеносный выпад Чжао Лои заставил заговорщиков похолодеть от ужаса — каждый из них сейчас судорожно прикидывал, чья голова слетит следующей.

— Если господин Цюнцзи считает, что нашего слова недостаточно, как же нам удостоиться аудиенции у Главы Башни? — вежливо спросил книжник, выказывая куда больше самообладания, чем его покалеченный товарищ.

— Соберите всех, кто желает покинуть Башню Десяти Направлений. Тогда я отведу вас к наставнику. Выберите одного представителя, он пойдет со мной.

Из-за спины книжника выступила женщина. В её голосе звучало глубокое недоверие:

— На каждом из нас висит по десятку смертей, мы знаем слишком много тайн Башни. Если мы соберемся в одном месте, где гарантия, что ты не вырежешь нас всех скопом?

Чжао Лои не спеша затянулся и усмехнулся:

— Неужели ты думаешь, что мне под силу уложить вас всех в одиночку?

Заговорщики переглянулись, беззвучно советуясь друг с другом. Наконец женщина

продолжила:

— Почему бы просто не отпустить нас по-тихому? К чему устраивать это представление?

— Если люди начнут исчезать один за другим, Башня развалится изнутри от подозрений и страха. Хватит юлить, пришло время говорить открыто. Кто хочет уйти — уйдет, но секреты Башни останутся здесь. Глава всегда был щедр к вам, и за эти годы вы накопили немало. Дядя Чай подтвердит мои слова, ведь он ведал казной. Два года назад чистый доход одного только филиала в Линьчжоу составил пять тысяч ланов золота и сто тысяч ланов серебра.

При этих словах убийцы изумились. Они и представить не могли, какими богатствами ворочает Башня. Чай Цзинь и вовсе затрясся от страха, он побледнел — он не ожидал, что младший ученик поднимет финансовые архивы прямо сейчас.

Выждав, пока тяжелое молчание сделает своё дело, Чжао Лои веско продолжил:

— Даже если вы уйдете без гроша в кармане, вы обязаны сдать все жетоны, карты и списки. Если из-за вашей беспечности пострадают оставшиеся братья, пощады не ждите.

Его ледяной, острый как клинок взгляд буквально пригвоздил Чай Цзиня к месту.

— Вы пришли сюда не одни, верно? Наверняка ваши сообщники сейчас ждут вестей. Вы ведь делили с ними хлеб и прикрывали спины в бою, так не заставляйте их нервничать. Иначе у кого-нибудь сдадут нервы. Я не отличаюсь терпением моих старших братьев, да и характер у меня скверный. Так что советую договориться поживее — до того, как наступит рассвет.

На стол с глухим стуком лег свиток. Это был тот самый список заговорщиков, который Чай Цзинь передал Чжао Лои еще в Линьчжоу.

— Что стало с теми, кто вверху списка, вы отлично слышали, пока стояли за дверью. Один я со всеми не сровняюсь, тут вы правы. Но вы ведь следите за каждым шорохом в Башне и наверняка знаете: три моих старших брата уже на подходе, — Чжао Лои замолчал, повернулся спиной к ошеломленным убийцам и затянулся трубкой у открытого окна.

Внезапно раздался негромкий стук в дверь. Все шестеро заговорщиков вздрогнули как от удара. Они дико испугались: неужели Таоте и остальные уже здесь? Если так, то в ловушке оказались они сами.

Истекающий кровью Чжу Тянь яростно замычал. Один из его товарищей торопливо заставил его открыть рот и засыпал рану целебным порошком, останавливающим кровь.

Пока они в панике метались, не зная, что делать, тишину нарушил звонкий, беззаботный голос Ли Мэна:

— О, наконец-то еду несут! А то у меня уже живот от голода подвёл.

Чай Цзинь едва заметно кивнул, соглашаясь подыграть.

Книжник сделал знак Чжу Тяню спрятаться за ширму и прикрыть обувью пятна крови на полу, а другому сообщнику велел отпереть дверь.

В образовавшуюся щель заглянул угодливый трактирный слуга. Ли Мэн затылком почувствовал, как заговорщики разом облегченно выдохнули.

Цюй Линьхань, глядя на то, как эти опасные головорезы робеют перед его грозным учителем, окончательно приободрился. Страх от недавнего удушения бесследно испарился, уступив место пьянящему чувству защищенности — когда на твоей стороне стоит такая глыба, бояться решительно нечего.

Ли Мэн тем временем лихорадочно сопоставлял факты, пытаясь разглядеть скрытые пружины этой опасной игры. Он подцепил палочками кусок сочной свинины в вишневом соусе и принялся усердно жевать — перед бурей следовало как следует подкрепиться, чтобы голова соображала яснее.

— Ну что же вы стоите? Угощайтесь! Нам троим столько ни за что не осилить, — весело подмигнул Ли Мэн. На столе теснились горы изысканных блюд — заказ явно делался с расчетом на большую компанию. Чжао Лои с самого начала знал, что они придут не одни. Обе стороны вели двойную игру, и теперь оставалось лишь гадать, чей козырь окажется сильнее.

Заговорщики один за другим нехотя расселись вокруг круглого стола. Каждый думал о своём, и над комнатой зависла удушливая, мертвая тишина.

<http://bllate.org/book/18266/1790569>